

М.М. Соколов

СТРУКТУРА И ЛОГИКА НЕТЕРПИМОСТИ В РУССКОМ РАДИКАЛЬНОМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

С кем и почему борются русские радикальные националисты? Ответы на этот вопрос, предлагаемые большинством отечественных исследователей, подразумевают, что политика дискриминации, которую русские радикальные националисты намерены проводить, является иррациональным выражением фрустрационной агрессивности, вызванной депривациями переходного периода. Однако такое объяснение не проливает свет на избирательность в выборе объектов дискриминации, как и на специфику самой дискриминации. В этой работе я, опираясь на результаты включенного наблюдения и анализа документов одной из крайне правых организаций, стремился реконструировать логику, которой руководствуются русские радикальные националисты при выборе именно таких целей для своей враждебности и именно таких средств ее выражения. Полученные результаты позволяют рассмотреть проявления нетерпимости правых радикалов как практику, рациональную в рамках определенного понимания ситуации, являющегося до некоторой степени общим для всех мировых националистических движений.

С кем и почему борются русские радикальные националисты?

Хотя существует значительное количество публикаций, описывающих проявления нетерпимости со стороны русских правых [1; 2; 3; 4; 5; 6], вопрос о том, чем объясняется эта нетерпимость, остается спорным. Ответы на него, предлагаемые большинством отечественных исследователей, являются вариациями на тему теории фрустрационной агрессивности Миллера и Долларда [7; 8], утверждающей, что невозможность удовлетворить свои потребности в течение некоторого времени влечет за собой накопление напряжения, которое суммируется до тех пор, пока его количество не превышает определенный предел. После этого оно разряжа-

ется в спонтанных всплесках агрессии, обращенных, как правило, не на те обстоятельства, которые в действительности повинны в депривации, а на случайную жертву, оказавшуюся под рукой, «козла отпущения».

Обычно предполагается, что готовность осуществлять этническую и религиозную дискриминацию у русских националистов возникает из сочетания сильной подозрительности и неприязни, которое обозначается словами «этнофобия» [1], «ксенофобия» [2] или «социальная паранойя» [3]. Эта констелляция чувств рождается как реакция на фрустрацию, вызванную социально-экономическим кризисом. Направление всплеска агрессии определяется этническими стереотипами «традиционной русской культуры», такими, как, например, антисемитизм [1; 3; 4].

Есть несколько возражений, которые можно выдвинуть против подобных объяснений. Ряд из них, более общего свойства, относятся к проблеме применимости теорий депривации в исследованиях участия в общественных движениях в целом [9; 10]. Другие, более специфичные, касаются того, что ссылки на «традиционную культуру», на самом деле, малоубедительны. Действительно, если этот объяснительный ход еще можно использовать, говоря об антисемитизме современных правых радикалов (хотя и не без некоторой натяжки — см., например, [11], где ставится под сомнение существование «традиционного русского антисемитизма»), то про их антиамериканизм или нетерпимость к представителям новых религиозных движений этого никак нельзя сказать — и то, и другое является очевидно новой идеологической тенденцией.

Кроме того, очевидная нетерпимость русских националистов не является и проявлением некой общей, недифференцированной ксенофобии в духе Авторитарной личности Адорно, которая может отвечать за неприязнь к любым Другим и ко всему Чужому. Как мы увидим дальше, нетерпимость правых радикалов сугубо избирательна, и еще более избирательны меры, которые они предлагают применять против каждой из ощущаемых ими угроз. Какой бы ни была их ярость, эпитет «слепая» подходит к ней в последнюю очередь.

В этой работе я стремился реконструировать логику, которой руководствуются русские радикальные националисты при выборе именно таких объектов для выражения своей враждебности и именно таких способов выражения этой враждебности.

Методы исследования

Данные были собраны с помощью нескольких методов, наиболее ценным из которых было включенное наблюдение во время еженедельных встреч, проводимых РНЕ — на протяжении 90-х годов самой известной и многочисленной из крайне правых организаций — в Санкт-Петербурге у станции метро «Парк Победы» (об РНЕ подробно — [12])^{*}. Целью

^{*} Следует сразу оговорить, что программа РНЕ отражает мировоззрение только одной из нескольких субкультур, составляющих культурный базис радикально-националистического движения в России. Однако именно эта субкультура, по всей видимости, наиболее многочисленна, и, в отличие от других (например, от скинхедов или Новых правых), не имеет преимущественно молодежного состава.

этих встреч, которые выглядели как двухчасовые дискуссии, было распространение агитационных материалов и регистрация сторонников (прийти на встречу — единственный путь вступления в организацию, не разглашающую адреса своей штаб-квартиры). Довольно часто встречи посещались представителями других радикально оппозиционных групп (в частности, казаков и РКРП), что позволяло участнику сравнивать все разновидности националистической идеологии. Полевая работа проводилась в течение 7 месяцев, с ноября 1998 по май 1999 г., когда встречи были временно приостановлены под нажимом правоохранительных органов.

Другим источником эмпирических данных было изучение документов, распространяемых организацией в печатном виде и через Интернет. В число этих документов, прежде всего, входила газета РНЕ «Русский Порядок» и статьи, помещенные на сайте. Наибольшее внимание я уделял при этом статьям, подписанным именем Александра Баркашова, лидера РНЕ на протяжении первых 10 лет его существования. Также использовались статьи и книги других авторов, если они были напечатаны в партийной газете, размещены на сайте или распространялись организаторами встреч (список таких книг утверждается Центральным Советом).

Описание

Объекты, на которые направлена нетерпимость русских радикальных националистов, можно довольно грубо разделить на три класса:

- 1) этнические группы;
- 2) транснациональные и субнациональные институты и организации;
- 3) религиозные, идеологические и интеллектуальные движения.

Рассмотрим по очереди отношение к каждой из этих мишеней и те политические меры, которые движение считает необходимым применить против них.

Этнические группы

Аргументом, чаще всего используемым в идеологических дебатах внутри националистического движения для доказательства того, что определенная этническая группа заслуживает враждебного или, по крайней мере, настороженного отношения, является демонстрация того, что какой-то вид ресурсов, предположительно, принадлежащих всем, оказался сконцентрирован в руках представителей этой группы.

В качестве ресурсов в этом контексте могут фигурировать самые разные вещи. Чаще всего упоминаемый пример — это позиции в руководстве страны. Так, критикуя коммунистов и доказывая, что они не могут считаться настоящими националистами, сторонники РНЕ вспоминают о том, что большинство членов первых составов Политбюро было евреями, и, соответственно, революция октября 1917 г. подчинила русских нерусским [13]. По той же самой причине члены РНЕ далеки от идеализации позднего Советского периода: используя статистические выкладки, они доказывают, что большинство престижных позиций в культуре и науке в это время были также заняты евреями [14].

Статус и престиж, однако, только некоторые из видов ресурсов, представляющих интерес для крайне правых. В том же самом ключе интерпретируются, например, сообщения о том, что «80 % всех тяжких преступлений в России совершается *кавказцами*», нередко транслируемые даже теми СМИ, которые нельзя заподозрить в прямых симпатиях к радикалам (тема конструирования СМИ образа этнических меньшинств подробно рассматривается в [15]). С точки зрения членов РНЕ, существует нечто вроде квоты на количество преступлений, которые представители каждой этнической группы могут совершить, не навлекая на всю группу в целом подозрения в том, что она присвоила общий «ресурс» возможности нарушать закон. Точно так, в качестве ресурсов, рассматриваются частота появлений на телевидении, аборт, случаев хронического алкоголизма (только здесь дискриминируемой считается группа, лидирующая по этому параметру) и критических замечаний относительно русской истории.

Этническими группами, на которые чаще всего падают обвинения в несправедливом присвоении части общественных благ, являются евреи и *кавказцы* (использование этого чудовищного с точки зрения антропологии этнонима оправдано тем, что в реальности изучаемого сообщества *кавказцы* являются одной этнической группой).

Евреев подозревают в присвоении большинства выгодных позиций в сфере политического администрирования, финансов и символического производства (особенно последнего). Некоторые исследователи замечают, что идея культурно-образовательной депривации лежала в основе советского антисемитизма. Упадок последнего в 90-е годы связывают со снижением престижа высшего образования в целом [16]. Обвинения против *кавказцев* касаются прежде всего их предполагаемого господства в торговле и криминальном мире. (Почему-то мысль о том, что русские по этническому происхождению преступники часто находятся под началом или зависят от криминальных лидеров из других этнических групп вызвала у значительной части моих информантов особенно болезненную реакцию.)

Надо сказать, что евреи и *кавказцы* обвиняются не столько в ненависти к русским, что могло бы быть проекцией собственных бессознательных агрессивных импульсов обвиняющих, сколько в проявлении фаворитизма в отношении членов своей группы, и, тем самым, осуществлении негативной дискриминации всех остальных групп, включая русских. Отношение к русским, которое им при этом приписывается, характеризуется не столько злобой, сколько презрительным высокомерием. Эта тема развивается, например, в «Катехизисе еврея в СССР» — широко известном в антисемитских кругах тексте, выдаваемом за инструкцию для евреев от некоего мирового сионистского центра. Если здесь и присутствует проекция, то проецируется никак не агрессия.

Вопрос о том, является ли негативная дискриминация русских намеренной и целенаправленной деятельностью, осуществляемой под руководством единого координационного центра (знаменитый «Всемирный

еврейский заговор»), или она происходит спонтанно на уровне отдельных индивидов и микрогрупп, остается для радикалов поводом для споров*.

Важно отметить, что большинство крайне правых демонстрируют свое безусловно позитивное отношение к этническим группам, соблюдающим (вольно или невольно) правила этой игры в проценты. В целом, мы найдем у сторонников РНЕ очень мало примеров неприязни, оправдываемой предполагаемыми пороками евреев, кавказцев или американцев. Они часто сообщают, что рады были бы иметь дело и с теми, и с другими, и с третьими — если бы те соблюдали правила. То, что действительно существенно во враждебном отношении к ним, — это предполагаемое нарушение ими в свою пользу модели симметричного и равноправного взаимодействия. Теперь русским националистам не остается ничего другого, кроме осуществления ответной дискриминации, поскольку это единственный способ сделать взаимодействие вновь одинаково выгодным (или, хотя бы, одинаково невыгодным) для обеих сторон.

Характерно, что конечной целью этой дискриминации программа РНЕ провозглашает создание ситуации, в которой представители каждой из этнических групп были бы представлены в каждой из сфер общества пропорционально их численности в общем населении страны. Лишь очень редко та или иная группа рассматривается как настолько враждебная, что ее членов предлагается полностью лишиться гражданских прав. Как ни парадоксально это звучит, но русские националисты борются не против этнических групп, а за определенную модель отношений, которые можно назвать гражданскими, характеризующуюся полным равенством представителей всех этнических групп. Однако существование других этничностей — помимо русской — кажется им почти непреодолимым препятствием для осуществления этого идеала. Перефразируя знаменитую фразу Леви-Стросса, можно сказать: «Националист — это тот, кто верит в национализм»**.

* Всемирный заговор против России является на этой стадии рассуждений удачным объяснением того, что множество внешне независимых действий ведет к одному результату — дискриминации русских. Вопреки мнению части исследователей, считающих, что «ксенофобия» возникает из неспособности понять, что за социально-экономическими кризисами не обязательно стоит чья-то злая воля [6], мы видим, что заговор вовсе не является обязательной объяснительной конструкцией в ксенофобской аргументации. В Mein Kampf, в частности, это понятие отсутствует.

** Эти соображения заставляют усомниться в справедливости всего, что говорилось о роли стереотипов в провоцировании межэтнической враждебности, применительно к русскому радикальному национализму. В действительности, и в документах, и, особенно, при личном общении с радикалами сталкиваться с позитивным авто- и негативными гетеростереотипами как таковыми приходится совсем не так часто, как можно было бы ожидать. Это не значит, что стереотипы не существуют, но они, как правило, предельно пластичны и амбивалентны. Они могут превращаться в позитивные или негативные в зависимости от общего тона отношений, в соответствии с известным афоризмом, гласящим, что пороки наших врагов — это достоинства наших друзей. Точно так же, черты, приписываемые целой группе, могут вызывать симпатию или антипатию в зависимости от того, каковы предполагаемые отношения между их группой и нашей. Иными словами, в том, что касается положительного или отрицательного знака, не стереотипы определяют отношения, а отношения — стереотипы (эти предположения подкрепляются недавними исследованиями метастереотипов — [17, p. 280–293]).

Возникновение тревоги в такой предполагаемой ситуации можно легко обосновать, приводя примеры из теории игр. Действительно, можно доказать, что для любой командной игры — а история здесь везде имплицитно понимается как состязание национальных (в смысле национальных государств) команд — возникновение клики внутри команды, члены которой предпочитают друг друга всем другим членам своей группы, — приводит к уменьшению личного выигрыша всех остальных членов той же команды. Еще сильнее этот эффект проявляется, когда возникают клики, состоящие из членов разных команд. Поэтому каждый из честно играющих членов команды заинтересован в том, чтобы остальные не были лояльны по отношению к какой-либо группе, помимо общей команды. Национальная политика русской правой — это попытка предотвратить появление любых групповых лояльностей, помимо единственной лояльности своему национальному государству.

Характерно, что этнические группы, на которые направлена основная враждебность русских националистов, не связаны с каким-то одним национальным государством, и, соответственно, дают больше повода для подозрений в возможной двойной игре. Именно эта неопределенность ожиданий приводит к подозрениям, в частности, в отношении евреев (антисемитизм, построенный вокруг понятия «двойной лояльности» евреев, ярче всего представлен в [18]; об амбивалентности позиции евреев в социальной структуре см. [19, с. 157]).

Существует очевидное различие между этой формой антисемитизма и расистским антисемитизмом Гитлера. Русские правые обычно готовы признать, что бывают «хорошие» евреи, которые играют «честно», что для Гитлера — по крайней мере, в последние годы его правления — было опасным заблуждением. Тот факт, что некоторые играют нечестно, обычно признается результатом индивидуального морального выбора, по крайней мере, отчасти (очень немногие русские националисты являются последовательными расистами, утверждая, что выбор определяется кровью, и для каждого отдельного индивида он полностью предопределен его/ее происхождением). Однако для того, чтобы заслужить репутацию «хорошего» в их глазах, как правило, бывает необходимо умереть за российское государство. Адмирал Нахимов вне подозрений, но любой живой еврей вызывает, по меньшей мере, настороженность (подобное отношение описывает Сартр в «Еврейском вопросе»).

Тем не менее, Баркашов заявлял публично, что готов принять в организацию еврея, «лишь бы тот разделял идеологию», а некоторые из лидеров региональных отделений сообщали, что, фактически, у них были сторонники-евреи [20]. Однажды мне пришлось наблюдать спор с посетившим встречу человеком, утверждавшим, что приверженность православию — плохой критерий этнической принадлежности к русским, поскольку, пользуясь им, РНЕ рискует набрать в свои ряды крещеных евреев. Активисты Единства дружно заявляли, что их это нисколько не беспокоит и что они готовы принять в свои ряды любого, кто согласен выполнять их требования.

Наг- и субнациональные организационные структуры

Опасения, которые существуют среди русских националистов по поводу любых международных институтов и организаций, являются логическим продолжением темы двойных стандартов. Поскольку любые международные организации, по крайней мере, теоретически, дают возможность одним своим членам дискриминировать других, они автоматически оказываются под подозрением. В число чаще всего упоминаемых в этом контексте организаций входят ООН, Католическая церковь, Римский клуб, Гринпис, фонды Форда и Сороса.

Деятельность этих организаций РНЕ предполагает пресечь, разорвав все внешнеполитические связи, включая отказ платить по долгам МВФ и прекращение международного взаимодействия во всех областях, от промышленного производства до музыкальных гастролей [21; 22]. Поводом для этого служит то, что весь предыдущий опыт сотрудничества свидетельствует о намерении иностранцев эксплуатировать русских. Список приводимых примеров невыгодного для России вмешательства в ее внутренние дела включает, в частности, отъезд значительной части российских специалистов за рубеж по программам западных фондов, или вызванная репортажами иностранных журналистов негативная реакция общественного мнения на действия федеральных сил в первой чеченской войне.

При этом отвергаются не только сами эти учреждения, но и любые идеологические основания, которые делают их возможными. В следующем параграфе мы увидим, что именно опасность вмешательства во внутренние дела извне приводит часто к требованию запрета идеологий, которые предполагают, что человечество можно измерять одной меркой, таких, как либерализм во всех его проявлениях.

Параллельно с этим программа РНЕ предполагает уничтожить любые разновидности национальных автономий внутри страны, ликвидировав, в частности, территориальное представительство [23; 24]. Обоснования для этого шага приводятся в следующей цитате: в случае унификации управления Россией «разве посмели бы те же якуты провозгласить свою полусамостоятельную "республику", в которой их 33% населения, но зато 70% министров и до 75% представителей Советов? Разве осмелились бы казанские татары в открытую заявлять, что выйдут из состава России, да еще прихватят при этом по одному Русскому (44% населения "Татарстана") на каждого татарина?» [25].

Целью всех этих запретов является административное оформление нации, которая была бы, с одной стороны, автономна и суверенна, с другой — внутренне полностью гомогенна.

Религиозные, идеологические и интеллектуальные движения

Пункты программы РНЕ, которые чаще всего упоминаются его либеральными критиками (большая подборка содержится в [5]; также [12; 23; 27]), требуют регулирования культурной и религиозной жизни, контроля над воспитанием и идеологическим производством. Действительно, документы организации содержат указания на то, что, в случае ее успеха:

а) распространение всех идеологий, которые могут быть определены как «интернациональные» (включая доктрину всеобщих прав человека) и/или «демократические» на территории России будет запрещено, а их последователи подвергнуты репрессиям;

б) то же самое относится ко многим религиозным конфессиям — в первую очередь, всем Новым религиозным движениям, неправославному христианству и иудаизму;

в) будут пересмотрены взгляды на воспитание подрастающего поколения. В первую очередь, это коснется школьных программ сексуального просвещения и «непатриотических» курсов истории, которые будут ликвидированы. В некоторых документах РНЕ содержатся также указания на предстоящий запрет отдельных элементов молодежной культуры, таких, как рок-музыка, но широким распространением этот тезис не пользуется.

Как и в случае с этническими группами, в этом списке для нас наиболее интересна его избирательность. Действительно, в число запрещенных религий входит кришнаизм, но нет буддизма. Там есть иудаизм, но нет ислама. Есть католицизм, но отсутствует язычество, к которому руководство РНЕ, особенно в ранний период развития организации, относилось одобрительно, противопоставляя его «иудеохристианству». В некоторых отношениях веротерпимость националистов доходит едва ли не до полного религиозного нигилизма, особенно когда они подыскивают аргументы против «сионизма» в арсенале нехристианских «светлых религий».

Точно так же, неприемлемость некоторых телесных практик других культур, прежде всего, связанных с сексуальностью, сочетается с этнотерпимостью по поводу других, по идее, не менее чуждых. Так, Баркашов, имеющий черный пояс по каратэ и многолетний стаж тренера, обучал своих соратников именно этой японской борьбе, а не чему-либо культурно аутентичному. Как определяется, какие социальные институты и какие элементы культуры потенциально опасны для благоденствия Нации, и должны быть запрещены, а какие — нет?

Ответ на этот вопрос определяется основной целью политической программы русской правой — созданием единой Нации в границах существующего государства, Нации, которая пользовалась бы эксклюзивной лояльностью со стороны всех своих членов. Воплощение этого проекта требует, чтобы границы гражданства национального государства были пересмотрены так, чтобы не пересекаться с границами других — этнических, политических, религиозных, субкультурных — солидарностей. Эта цель может быть достигнута или за счет отказа граждан от любых транснациональных идентичностей (в смысле «пересекающие границы государства»), или за счет исключения из числа граждан всех обладателей подобных идентичностей.

В действительности, предлагаемое русскими националистами решение является компромиссным. Там, где это кажется им возможным, они стремятся ограничиться перевоспитанием (прежде всего, в отношении молодежи), поскольку выигрышное положение нации в международных отношениях зависит от ее численности. С другой стороны, там, где нет надежды нейтрализовать альтернативные лояльности, приходится действовать через

лишение гражданских прав. Именно потребностями (пере)воспитания обосновывает введение большинства политических мер, связанных с регулированием культурных процессов и ограничением гражданских свобод.

Действительно, вернувшись к списку запрещенных религий, мы увидим, что неприязню пользуются те из них, которые, во-первых, имеют свои истоки в других культурах и сторонников в других странах, и, во-вторых, могут привлекать значительное число неопитов из числа русских. Славянское язычество по этим признакам вне подозрений, поэтому к нему православные националисты так терпимы. В свою очередь, националисты-язычники с подозрением относятся к христианству по причине его происхождения из Иудеи. Однако жесткое противопоставление между «православием» и «всеми остальными христианством» и уверенность, что первое, по большому счету, ограничено границами России, обычно смягчают эту враждебность.

Границы с исламом и буддизмом, или, скажем, шаманизмом сибирских народов, достаточно непроницаемы, чтобы не вызывать опасений. Вообще говоря, иудаизм с этой точки зрения также не опасен, и поэтому требования запретить его в документах РНЕ встречаются лишь один или два раза за все время существования организации (в отличие от протестантских церквей, например). Один из моих информантов, к которому я обратился за комментариями по этому поводу, вообще отказался верить, что требование закрыть синагоги могло быть напечатано в «Русском Порядке».

Под этим же углом зрения следует рассматривать и пресловутую враждебность радикальных националистов сексуальному воспитанию школьников. Дело не в том, что сексуальное воспитание вызывает возражения само по себе. Его противники ограничивают аргументы «против» тем, что указывают на несовместимость идеи этого воспитания с идеализированной практикой взаимоотношений полов, описанной, в частности, в «Домострое», и на то, что его сторонники следуют иностранным образцам. Его введение обозначало бы, что преемственность между нынешними молодыми людьми и их предками (очень часто — начиная с их родителей) в одном очень важном отношении прервется, и, в то же время, такая же связь установится между подростками из России и их сверстниками в странах Западного мира. Понятно, почему запрет не распространяется на боевые искусства — их преподавали всегда, поэтому приобретение опыта в этой области не может противопоставить нынешнее поколение предыдущим.

Дискуссионные замечания

Мы видели, таким образом, что политика нетерпимости, проведения которой требует русское радикальное националистическое движение, имеет мало общего со всплесками фрустрационной агрессивности, направленной на первый попавшийся эрзац-объект. На самом деле, она — часть проекта воссоздания связи между Nation и Государством, которая является основным элементом идеологии всех националистических движений [28]. Эта связь восстанавливается за счет пересмотра принципов предоставления гражданства и введения более жесткого контроля за сферой символического производства, которые должны, в идеале, привести к появлению совершенно однородного в культурном плане со-

общества, все члены которого в одинаковой степени лояльны своему государству и никому, кроме своего государства.

Сильное чувство гнева, направленное на другие этнические и религиозные группы, объясняется не столько бессознательным перераспределением агрессии, сколько осознанным несоответствием состояния социальной системы, каким его видит националисты, образцу идеальной Nation-Государства. Этот гнев направлен на тех, кто, предположительно, по причине своего эгоизма, моральной неустойчивости и этноцентризма, сделал этот идеал неосуществимым. (Своеобразное совершенство имплицитной теории нации, используемой русскими радикалами, состоит в том, что она позволяет интерпретировать в терминах групповых пороков любые несоответствия своего идеала реальности, не фальсифицируя при этом идеал.)

Эти выводы позволяют по-новому задать вопрос о том, где нам следует искать истоки русского националистического движения. Мы видели, что проект Nation-Государства, который оно стремится воплотить, во всех существенных отношениях родственен подобным проектам, вдохновлявшим националистические движения последних двух столетий [28; 29; 30]. Мы можем предположить, что, как и другие национализмы, русский национализм является порождением современного государства с его потребностью в легитимации, современных систем массового образования и других атрибутов индустриального общества, как бы не хотелось его сторонникам видеть в нем возвращение к истокам и альтернативу всему развитию цивилизации последних столетий.

Сходным образом, русский национализм не соответствует и ожиданиям тех его критиков, которые — в полном согласии с самими радикалами — желают усмотреть в нем регресс к мировоззрению доиндустриальной эры [5; 6]. (Характерно, что политически ангажированные исследователи избегают обращения к теориям национализма — единственное известное мне применение классических подходов в этой области в интерпретации русских крайних правых — [31].) Однако идея абсолютно однородной Nation, объединенной общей лояльностью Государству, при всем желании не может быть найдена в мировоззрении примитивного общества. Она принадлежит совсем другой эпохе.

Литература

1. Малашенко А. Ксенофобия в постсоветском обществе // Нетерпимость в России: Старые и новые фобии / Под ред. А. Малашенко, Г. Витковской. М.: Московский Центр Карнеги, 1999.
2. Гудков А. Антисемитизм в постсоветской России // Нетерпимость в России: Старые и новые фобии / Под ред. А. Малашенко, Г. Витковской. М.: Московский Центр Карнеги, 1999.
3. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
4. Сикевич З.В. Расколотое сознание: Этносоциологические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
5. Михайловская Е. Федеральное собрание: Российский парламент как модель общественного сознания // Национализм и ксенофобия в российском обществе / Под ред. А. Верховского, В. Прибыловского, Е. Михайловской. М.: Панорама, 1998.

